

ВОСКРЕСЕНСК

Литературный



Выпуск № 23

Звёздный треугольник: Николай Гумилёв – Анна Ахматова – Лев Гумилёв

ЕЛЕНА ЮРОВА

«Я прохожу по пропастям
и безднам...»

90 лет назад, 21 августа 1921 года, был расстрелян поэт Николай Гумилёв.

В русской поэзии XX века немало мужественных и красивых поэтов: Блок и Есенин, Бунин и Пастернак, Твардовский и Маяковский... Не только среди них, а и во всей мировой поэзии стоит особняком, поражающая своей удивительной цельностью, выдающийся русский поэт, блестящий офицер и бесстрашный исследователь Африки Николай Степанович Гумилёв.

Будущий поэт родился в 1886 году в Кронштадте, в семье военного врача. Затем семья переезжает в Царское Село, где Николай учится в гимназии у известного поэта Иннокентия Анненского, привившего ему любовь к литературе. Там он встречает и страстно влюбляется в Анну Горенко – будущую Анну Ахматову. После нескольких неудачных попыток жениться (юноша даже хотел покончить с жизнью из-за неудачной любви) Н. Гумилёв всё же венчается с Анной и уезжает в свадебное путешествие в Париж. В 1912 году в семье поэтов Серебряного века появляется сын – Левушка.

В круг их общения успешно входят самые известные в литературно-художественном мире имена – А. Толстой, О. Мандельштам, К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, Модильяни и многие другие. В семейной жизни не всё гладко. Молодая жена занимается больше творчеством, чем домом. Он посвящает ей стихи, она излишне строго критикует его, тогда он немедленно швыряет всё в огонь. Гумилёв много путешествует, он трижды побывал в непроходимых джунглях Центральной Африки, изнывал от жажды в песках Сахары, прикасался к развалинам Междуречья. «Музой дальних странствий» называл он свою поэзию и верность ей сохранил на всю жизнь.

Он добровольцем идёт на фронт, обманув призывную комиссию (был признан негодным по здоровью). По воспоминаниям современников, в дружбе верен, в бою – отважен, даже безрассудно храбр. Два Георгиевских креста – лучшее подтверждение подвига поэта. В одном из стихотворений Николай Гумилёв опишет фронтные будни: «Знал он муки голода и жажды / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулюю не тронутую грудь». Ахматова, узнав о награждении, прочитает маленькому сыну Льву такие строки: «Долетают редко вести / К нашему крыльцу. / Подарили белый крестик / Твоему отцу». Двум талантливым личностям было трудно: обиды, измены, взаимные упреки в конце концов привели к разводу, но это случится позже – в 1918 году...



Революция 1917 года застаёт поэта в благополучном Париже. Когда все его знакомые стараются покинуть Россию, прапорщик Гумилёв возвращается домой. Он активно сотрудничает с новой властью: читает лекции, занимается переводами, является членом редколлегии горьковского издания «Всемирная литература». Всё оборвалось в одночасье – 3 августа 1921 года Николая Гумилёва арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности; 24 августа его приговорили к расстрелу «за недоносительство», как сказано в приговоре. Он остался верен себе – от надписи на стене камеры: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н. Гумилёв» до команды: «Пли!», произнесённой на собственном расстреле. Ему было всего 35...

В 1992 году поэт посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления... Ещё совсем недавно Н. Гумилёв был одним из самых запрещённых в советской стране поэтов. Несмотря на запрет, его стихи переписывались от руки, распространялись в сотнях машинописных копий. Его знали читатели нескольких поколений любителей русской поэзии.

P.S. Анна Ахматова прожила долгую, полную потерь и лишений жизнь. Лев Гумилёв, единственный сын двух поэтов – талантливый историк и географ, автор всемирно известных книг, научных статей и стихотворных переводов с восточных языков, дважды подвергался репрессиям. Стоя в тюремных очередях, Ахматова напишет рвущую душу поэму «Реквием», увидевшую свет только в 1990-е годы: «Эта женщина больна, / Эта женщина одна, / Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне». Льва Николаевича Гумилёва не стало в 1992 году. Он не оставил наследников, прервался род талантливых российских поэтов. Нам осталась память о них и книги.

В библиотеке АНО «Дворец культуры «Химик» открыта книжно-иллюстративная выставка, посвящённая жизни и творчеству необыкновенной, талантливой семьи – Николая Гумилёва, Анны Ахматовой, Льва Гумилёва. На ней представлены книги и газетно-журнальные публикации, собиравшиеся многие годы. Приглашаем вас в библиотеку.

Творческое созвучие

В этом выпуске «ВЛ» мы продолжаем публикацию произведений писателей болгарского города Плевен и русского города Воскресенск, вошедших в антологию «Созвучие», которая на днях увидит свет.

ВЕРА СТЕФАНОВА

В комнате сверчок

*Зачем сюда вошёл он на рассвете?
Наверное, дорогу перепутал.
За занавеской спрятался
вдруг где-то
И будто стоном тишь пронзал он
в смуте.*

*Волшебная струна затрепетала
и песенка взлетела одиноко,
Заполнила всю комнату вначале,
напомнив мне о чём-то
так далёком.*

*За песенкой я шла к просторам
спелым,
где ветерок терялся над хлебами,
к межам, которые на самом деле
цвели до горизонта васильками.*

*Я возвращалась и к родному дому,
где некогда сидела у порога
и слушала сверчков в немой
истоме,
и слала к звёздам звуки понемногу.*

*Надеялась, что как-то через годы
они вернутся в светлячках
и розах,
меня покинут беды и невзгоды
и сбудутся мои мечты и грёзы.*



Наши мамы

*Они снижаются ростом с годами,
и волосы кроются серебром.
Их жизнь утекает в заботах
о нас.*

*Темнеют глаза
от долгих путей,
по которым мы удаляемся.
Не спят по ночам,
беседуют с нами,
встречая рассвет.
Сидят за столом одиноко
и к ужину ставят приборы
для нас.*

*Так хлеб не застрянет в их горле.
Дверей не запирают по вечерам,
А вдруг мы вернёмся случайно.
Когда заберёт их смерть
для жизни на той стороне,
их полумночные тени придут
и будут у дома нас ждать
одиноко.*

Переводы Филипа Филипова

АНДРЕЙ ЛЫСЕНКОВ

Маяки

*В час боли, беспощадной
бури полный,
И в сильный дождь, чьи капли
как плевки,
Ты, качкой утомлённый,
через волны
Огни увидишь – это маяки.
Свет – ярко, чист,
как далеко б ты не был,
И много выше, чем девятый вал.
Они стоят и будто держат небо,
Чтоб тяжкий груз его ты
не узнал.
Когда усталый и разбитый
шквалом,
А силы плыть совсем невелики,
Они ведут сквозь мели, рифы,
скалы,
Они одни такие – маяки.
На малом островке надёжной
тверди
Они тебе помогут хоть на миг
Увидеть мир, где нет порывов
ветра
И едкой соли сплетен и интриг.
Они помогут отыскать решенья
Всем козням и ловушкам вопреки.
И снимут боль от горького
лишенья,*



*Тебя поймут и примут маяки.
Делясь проблемой ли,
бедою личной
Благодаришь их,
трепетно любя
Любовью, но такой эгоистичной,
Что иногда и стыдно за себя.
Лишь в час угрюмый
штормового ветра
Они по-настоящему близки.
И ждут всегда, и бескорыстно
светят
Они – кто в твоей жизни маяки.*

МАРИНА КАБАНОВА

ШипкаСветлой памяти
Филипа Филипова

Нашей дружбы драгоценный
праздник –
Восхождение на вершину Шипка,
Тысяча ступеней – не преграда,
На одном дыхании прошли их.

Пошалил немного майский
дождик,
Но ведь это – добрая примета!
Со священной трепетною
дрожью
Мы достигли высоты заветной...

Высоко взвилась, над облаками,
Башня величавая – Свободы –
Слава, сбережённая веками,
О великом подвиге народов!

Словно в незабвенное то время,
Сердце русское с болгарским рядом
Бьётся общей радостью и верой,
Ради нашей дружбы, жизни ради!

А под нами, где цветут долины, –
Памятники нашей общей славы,



Тем дорожке мирная картина
И весны свободной воздух
слаще!

Разбежались по лугам фиалки –
Лепестки, рассыпанные небом,
Их топтать мне очень было

жалко,
Ох, и пригодились крылья мне бы!

Загадали вновь вернуться к Шипке,
Всей душою этот край любя!
...Но не верю я в Судьбы ошибку,
Что придём сюда мы...без тебя...

ГАЛЯ МАРИНОВА

Белая сказка

Я хочу рассказать вам сказку.
Такую белую,
такую правдивую
и настоящую...
Как лицо покойника.

Где-то играет скрипка.
Не где-то.
В нашем городе.
На площади.
У ярмарки.

Скрипач мёрзлыми пальцами
вытягивает смычок.
Скрипач не поднимает глаза.
Обняв скрипку,
слившись с нею...
Играют.
В морозный день...
Они.
Оба.
Играют...

Мелодия танцует
вместе с ледяным воздухом.
С нежностью.
С чувством.
С болью.
С плачем каким-то тайным...
С визгом.
С шёпотом.
С хриплой какой-то
молитвенностью...
Среди мелких проходящих
человечков

они –
мелодия и снежинки –
танцуют.

Одну старую,
очень старую
потёртую шляпу
покачивает ветер у его ног.
Качает
одну маленькую замёрзшую,
крошечную монетку в ней...
Они
слышат
шаги проходящих людей.
И слушают,
как скрипач и скрипка играют.
У ярмарки.
Как просят...
И плачут
их души,
обнявшись в сумерках...
Танцуют сверкающие,

колющие,
жестокое снежинки –
в ледяном вихре
скорбной молитвенной
исповеди,
просящей милости...
Поцалды...
Как плачет скрипка!
Стонет и рыдает.
И царапает неистово.
И дребезжит.
И воет...
Как воет безумно!
И грозно ...
Протяжно ...
Одиноко... в ночи...
Они
оба плачут.
Здесь...
На площади...

Молчит скрипач.
И взгляд не поднимает.
Последний раз...
Терзает скрипку...
Вопрошающе...
И падает

рядом со старой шляпой,
с монетой в ней...
Вопрошающе глядя на звёзды...
Тишина.
И память о танце.
О надежде...
Память на двоих.
Скрипачу. И скрипке...

Сегодня они ещё были.
И уже их нет.

Такие белые...
Такие правдивые...
Наши.
Настоящие.
Невостребованные сказки.

Молчание площади.
У ярмарки.
Снег хоронит их.
И они оказываются белые.
Обнявшиеся.
Заплаканные.
Голодные.
Бездомные...
Скрипач...
Скрипка без смычка.
Старая,
потёртая шляпа.
И мелкая монета в ней...
И сказка...
Белая.
Как лицо покойника.

ОСМАН МУСТАФОВ

Когда во сне ты виделась
прозрачно-одинокой,
Бесплотной, не освещённой Фебом
тенью,
Когда, как вор, входил я сквозь окно,
Чтобы согреть другое тело,
без тебя
Во всех сезонах было очень пусто.
И паж жонглировал озябнувшими
солнцами,
С трудом атланты надо мной
держали небо,
И разрывался сон, как розовый
мираж.
Как долго я блуждал? Желал
тебе эгоистично –
Шизоидно размытый и в золото
устроенный.
Бессчётно раз шагал по тонкой
грани быта,
Чтоб увидеть Любовь.
Ещё лишь пядь...
Я тихий пленник
времени-пространства,
Но берегу тебя ревниво чёрным
мраком,
Твоя любовь как бремя – мне
сладостна и тяжела,
Что иногда забыть тебя хотелось.
Но как?

И незаметно зима постучала,
Но тепло двух ладоней я всё берегу.
Я тону в свете Ада и тени Рая
И храню волшебства пережитый
полёт.
В моём голосе – отблески песни,
До утра в струнах спит темнота.
И, свой хвост поджигая, сбежал –
сатана –
Мертвечины не съев, не попив
из болот.
Через осень иду, среди пёстрой
листвы,
Осенний серебряной дымкой
Вулкана.
И Ветры уносят горячую память –
Как пыль золотую таёжного мха.
Но мысли мои, как скитальцы
бездомные,
В черноте бытия не устанут
мелькать.
Я давно очень взрослый уже
человек,
Лишь Душа остаётся всё детской.
Но если прорвутся к Душе холода,



Что безжалостный иней обнимет
её?..
Не затихнет Огонь, насовсем
не умрёт,
Но томлением белым останется
в пепле.

Я вновь сохраняю себя
В цветах листопада позднего.
Истекает всё Время, определённое
Водопадным грохотом.
Раскрываюсь...Отдалённый в годы,
Успели ли не обезличить себя?
Я был... И остался ростком
одиноким,
Не покорился своим мечтам.
С восхода Солнца раздавал
любовь я
И от стакана старался боль
отпивать.
Я всегда рисковал беспредельно,
В полнолуние оды писал.
Я свои отклонения признаю
И свой грех необдуманно-нежный.
Раздробляет пускай их Машина
Времени,
Чтобы пылью восстать золотой.
Всё искал я в недрах житейских
Большую, неразгаданную тайну.
Хотел очиститься под
светлостью дождя
И гимны спеть на утренней заре.
Я всё наполовину сохранял себя.
Тянулся к небу, к небу в серый день.
Раздвоенно хранил себя в сезонах,
Но не делил живым себя я
пополам.

МАРИНА ЗОЛОТОВА

**Осенняя
зарисовка**

Была глубокая осень. Деревья сто-
яли без листвы и напоминали фар-
форовые статуэтки. Гладкие, блестя-
щие от дождей, с упругими ветками, с
мольбой, обращённой в небо.

Я бродила между деревьями, не-
много грустила, потому что пришла
осень, и радовалась, что яркие лучи
солнца переплетались с изящными
ветками. Солнце было таким добрым
и манящим, что невольно хотелось
протянуть ему навстречу руки. И я, не
стесняясь, тянула руки к солнцу.

И вдруг в этом изящном перепле-
тении лучей и ветвей мой взгляд на-
ткнулся на что-то ослепительно яр-
кое. Я не сразу поняла, что это. Долго
пристально всматривалась и увидела,
что это одинокий, чудом удержавший-
ся кленовый листочек. Он, как маячок,
или, скорее всего, как флажок, нес по-
следний привет осени. Это было ма-
ленькое чудо, которое радовало и ла-
скало мой взгляд. Я бережно прикос-
нулась к нему озябшими пальцами. О
чудо, он был великолепен! Такой рез-
ной, такой яркий, и даже казалось, что



тёплый, обласканный лучами солнца.
Я радовалась, как ребёнок, разговари-
вала с ним, как с живым. Мне казалось,
он понимал меня и что-то в ответ ти-
хонько нашёптывал. Но наша идиллия
продолжалась недолго. Неожиданно
налетел ветерок, и мой солнечный ли-
сточек вспорхнул, как птица, и заку-
рил в замысловатом танце.

Венок сонетов
Леонида Дудина

Перед вами снова, уважаемые читатели, замечательное произведение мастера – Леонида Дудина. Это продолжение публикации венка сонетов «Цветы Болгарии». Древняя и весьма трудная поэтическая форма потребовала от автора, как это было и в XIII, и в XIX веках, подбора особенно выразительных приёмов, подчинения мысли особому строю, когда 15 сонетов соединены воедино особым образом. Первая строка второго сонета совпадает с последней строкой первого, а первая строка третьего – с последней строкой второго. Пятнадцатый – магистрал, состоит из первых строк предшествующих четырнадцати сонетов, «навек закреплённых в чёткий стих».

Игры в слова? Нет, уникальная возможность донести чувства, запечатлеть сокровенную тайну, повторить усвоенные истины вместе с посвящаемым в загадки вечности читателем. Леонид Дудин обращается к «вершине формы, строгой и чеканной», применяя выразительные, «судьбоносные» рифмы, очаровывая образом своей любви, которая переживает «ряд часов-столетий». Только одной незабываемой и восхитительной строфой «К тебе в ладонь просилась лилий завязь, легко скользит по солнечным бортам» Леонид Дудин и нас навсегда роднит с волшебным состоянием влюблённости в жизнь.

На русском языке к этой поэтической форме прибегали Ф. Корш, Вяч. Иванов, В. Брюсов, М. Волошин, В. Солоухин, С. Кирсанов и немногие другие. Однажды в нашем городе прозвучал венок сонетов князя Ливена и вызвал неподдельный интерес чутких слушателей. Один студент после прочтения нескольких венков сонетов прославленных авторов с юношеским пылом взялся за создание подобного шедевра, но раскаялся в начинании, не почувствовав в себе силы «пронзительных годов»...

Будем знать, что «каждый приходит в стихи один», до конца не будучи уверенным в том, что праздник без него не состоится. Для чего приходит? «Чтоб мы, приняв полёта красоту, восторгом и отрадой наполнились». А может быть, просто, чтоб «смотреть светло на собственные годы»?

Марина Горидько,
член Союза писателей России

Цветы Болгарии

Венок сонетов

ЛЕОНИД ДУДИН

(Окончание. Начало в «ВЛ» № 22)

Посвящается Тебе

Твоей любви девичьей не боялись
Мои замороженные года.
В них побывали горесть и беда,
Добро и зло, к несчастью,
уживались.

Но ты могла медовое тепло
Всё отдавать, нисколько
не колеблясь,
Прощала непонятную нелепость,
Когда меня в неверие несло.

Давалось утешенье нелегко:
Я ревновал тебя
к славянам-братьям,
Завидовал твоим пригретым
платьям
В бутонах ярко-алых облаков.

Мы в горы шли принять небес
объятия.
И вместе поднимались высоко.

И вместе поднимались высоко:
Луга альпийские у ног стелились,
В изломах скал орлы, таясь,
гнездились,
И было небо очень велико.

И в этой благодатной стороне,
Тобой любясь и благоговая,
Перед ранимой кротостью твоею
Я преклонялся искренне вполне.

И таинства моих заветных слов,
Которые на сердце зарождались,
По всей Болгарии передавались,
Что ты сама – цветок среди
лугов,



Что мы в ключах серебряных
купались
И в розовой купели лепестков.

И в розовой купели лепестков,
Хотела ты того или не хотела,
Твое обворожительное тело
Являлось как творение богов.

Возможно, ты, сама того не зная,
Живя в миру, открытом
и простом,
Ко мне пришла неожиданно,
как Даная,
В неведомом сиянье золотом.

Я сбросил прочь угрюмую
усталость,
Решительно шагнул за ту черту,
Где сохнет от волнения во рту,
Где души в невесомость
погружались,

Где мы, приняв полёта красоту,
Восторгом и отрадой
наполнялись.

Восторгом и отрадой наполнялись
Над Плевеном холмы и небеса,
Дворов и переулков голоса
В неповторимость праздника
вливались.

Кругом цветы. Благоуханье мая.
Горят тюльпаны. Маки в царстве
роз...
Мелькает облачко твоих волос,
Весной и беспечальностью пленяя.

Высокие желания, мечты
Нежданно и негаданно сбывались,
Мы жизнью и цветами любовались,
И были наши помыслы чисты,

И, что бы беспросветного
ни случилось,
Мне петь дано Болгарии цветы.

Магистрал

Мне петь дано Болгарии цветы
Во всей их красоте
неповторимой...
Ты шла навстречу горною
долиной,
Навстречу шла волнительная ты.

Тебе я поклонялся и цветам,
И мудрости, и доброте природы,
Смотрел светло со стороны
на годы,
Далёким не нарадуясь годам.

Они, как сон, являлись из веков,
Объёмно, золотым дождём
являлись,
Твоей любви девичьей не боялись
И вместе поднимались высоко,

И в розовой купели лепестков
Восторгом и отрадой
наполнялись.

КАТЯ НИКОЛОВА

Пыхтит лето в деревне,
неся на спине сенокос
и труд утомительный
до позднего вечера,
без иллюзий о ливне.

День угасал в поту,
в морщинах, в белых платках
и соломенных шляпах.

День угасал в чёрных платках,
как усопший,
нашедший своё воскресение...

Когда деревенские часы
колокольным звоном
отмерили конец дня,
обманутая надежда прижалась
к веткам ореха,
утихла,
прислушиваясь к песням сверчков.

Ласковый снег сыплется на землю...
Украшает деревья,
как застенчивых невест,
укрощает изящные ручки
под пушистым одеялом,
напевая им колыбельные песни.

Ласковый снег сыплется
на поля,
слегка расстилая пушистый
покров,
Рождественские притчи
рассказывает.

Дети протягивают руки к ним.
Их сани летят
к будущему
по белым холмам.

Ласковый снег покрывает мои
волосы...
Уносит усталость,
тяжёлые думы,
усыпляет ожерелье
старых воспоминаний,
усыпает тропинки
светлячками надежды.

На лунном
берегу

Я отражаюсь в лазури
твоих глаз,
как в озёрном зеркале.
И искорки радости
подпрыгивают в них.
Я крашу свои волосы
цветками мечтаний
и ступаю по лунному берегу.
Столько нежности
прячется в твоих руках!
Ты ведёшь меня в тиши улиц.
Луна круглолицая
бодрствует свысока
и по своим светлым
тропинкам
брызгает бусы
звёздных мечтаний.
Радость качается
в колыбели луны.

Зоя Корниенко

И на исходе солнечного дня
Однажды – Кто ты? – спросят
у меня,
А я отвечу, что ищу ответ,
А мне ответят:
– Думали, ты – Свет...
И я скажу: Я – Свет, конечно, да,
Я – пустота, я – пламя и вода,
Я – сон земной, я – птица
в небесах,
Я – отблеск славы в медных
голосах,
Я – звук струны, что в воздухе
парит
Всего лишь миг, я – гордость,
радость, стыд,
Я – нота жизни в песне
Бытия...

Всё это – я. Но всё же, кто же я?
Они мне скажут:
– Правильный ответ.
Должно быть, Свет? Он – Всё...
– Конечно, Свет...

Синеокое небо, изначальный
покой.
Лучезарные крылья распахни
над землёй
И звучи! Я дарю тебе солнечный
свет;
Он укроет тебя от ненастий
и бед
И расскажет о пламени в детских
сердцах,



И тогда, может быть, ты
забудешь про страх
И сияющей мыслью влюблённого
Бога
Ты напомнишь Идущим, что
значит Дорога,
И пространство вздохнёт,
принимая тебя
Как свободное чудо. Ты встретишь
себя
На седых перекрёстках далёких
времен –
И сольются друг с другом
реальность и сон...
Синеокое небо, изначальный покой.
Лучезарные крылья распахни над
землёй...

